

УДК 111.8

**ТЕХНИКА СЕБЯ КАК ЭКОТЕХНИКА:
АВТО- И ГЕТЕРОСУБЪЕКТИВАЦИЯ***А.Е. Смирнов***Аннотация**

Статья посвящена исследованию техник себя, посредством которых происходит субъективация – процесс преобразования субъектом самого себя. Онтологический статус техник себя раскрывается с помощью понятия экотехники, а концептуализация процесса субъективации осуществляется путем введения понятий авто- и гетеросубъективации. Автор определяет онтологический статус техник себя как трансимманентный, не сводимый ни к трансцендентному, ни к имманентному. По отношению к практике субъективации это значит, что сознательные цели и соответствующие им техники (автосубъективация) принципиально неотделимы от гетеросубъективации, деконструирующей условия возможности автосубъективации.

Ключевые слова: техники себя, субъективация, процессы субъективации, автосубъективация, гетеросубъективация, экотехника, трансимманентность.

Понятие «практики себя» (отчасти коррелятивное понятиям «забота о себе», «культура себя», «техники себя») следует считать фундаментальным для последнего периода творчества М. Фуко. Одно из первых его определений прозвучало в лекции «Субъективность и истина», прочитанной 17 ноября 1980 г. в Дартмутском колледже (США). Опираясь на некоторые высказывания Ю. Хабермаса, М. Фуко назвал три основных типа техник: 1) техники производства, позволяющие производить; 2) техники сигнификации, позволяющие использовать знаковые системы; 3) техники господства, позволяющие определять поведение индивидов. «Однако... я все больше осознавал, что в любом обществе, каково бы оно ни было, существует еще один тип техник: *техники, позволяющие индивидам самостоятельно совершать определенное число операций над своими телами, над своими душами, над своими мыслями, над своими поступками с целью трансформации себя, преобразования себя и достижения состояния совершенства, счастья, чистоты, сверхъестественной силы и т. д. Назовем эти техники техниками или технологией себя* (курсив наш. – А.С.)» [1, с. 72].

В лекционном курсе 1982 г. «Герменевтика субъекта» М. Фуко предлагает понимать под практиками себя «те поиски, практику и опыт, посредством которых субъект производит в себе изменения, необходимые для того, чтобы получить доступ к истине. “Духовностью” в таком случае будет называться совокупность этих поисков, практик, опыта; это могут быть практики очищения, аскезы, отречение, обращение, изменение образа жизни и т. п., и из них-то и складывается та цена... которую он должен заплатить, чтобы получить доступ

к истине» [2, с. 27–28]. Причем, по замечанию самого М. Фуко, речь здесь идет уже не о познании, но о существовании субъекта.

Теория практик себя, вне всякого сомнения, представляет собой абсолютно новый взгляд на проблему субъектной конституции, а также на историю субъективности и условия ее возможности. Мы постараемся показать, что любая субъективность всегда представляет собой результат действия определенных техник субъективации, онтологический статус которых по отношению к субъекту является трансимманентным, то есть связанным с обществом и индивидом-субъектом таким образом, что конфигурация некоторого «среза социальности» оказывается коррелятивной вышеупомянутым «практикам».

Начнем с определения онтологического статуса практик себя, который мы характеризуем как трансимманентный. Понятие трансимманентности может быть пояснено следующим образом. Техника не является по отношению к субъекту ни чем-то «внешним» (трансцендентность), ни чем-то «внутренним» (имманентность). По Хайдеггеру, техника отвечает совершенно определенному посылу бытия, причем так, что становится собственным основанием. Ж.-Л. Нанси продолжает эту традицию: технику следует мыслить не как субстанциализацию бытия, но как то, что просто «есть»: без цели, без сущности, без какой-либо предшествующей природы. Таким образом, древнее противопоставление понятий «фюзис» (как естественной всепроникающей силы роста, возникновения) и «техне» (как созданного чьим-то умением и уже известного) снимается, мы наблюдаем их равенство или даже равноисходность. Похоже, что именно таков предел, обозначенный для нас хайдеггеровским «поставом».

Так, эколо-гия не может быть не чем иным, как только и единственно технологией. «*Phusis* и *techne* – можно сказать “расцвет” и “искусство” – суть два способа реализации и в этом смысле являются одним и тем же (но не идентичным) в своем различии: одно и то же реализации в целом, осуществления или исполнения. Следовательно, дважды “одно и то же” цели, не две финальности, но два типа завершения: один – “ручной сборки”, а другой – “машинной”. Это сравнение весьма точное, оно предназначено для того, чтобы напомнить о той иерархии, которую мы вполне “естественно” устанавливаем между двумя типами. <...> Так что если и есть “вопрос о технике”, то единственно начиная с того момента, когда техника берется как завершение бытия, а не как средство для достижения иной цели (науки, управления, счастья и т. п.). И, следовательно, как цель в себе, *sui generis*. Техника является своеобразной “финальностью без финальной цели” (= без внешней цели), которую, возможно, еще предстоит открыть. И именно этому открытию мы выставляем напоказ нашу историю как технологическое-становление бытия или его завершения» [3, с. 181–182].

Поясним сказанное следующим образом. Техне – дело умения человеческих рук. Фюзис – порождающая сила самой природы. Но и в том и в другом случае имеет место поюзис: то, что открывает, про-из-водит из потаенности. Как бы то ни было, именно он есть общее основание для фюзиса и техне. Поюзис – просто про-ис-ходящее, без верховенства некоего архэ, без цели (или с множеством еще неизвестных целей), без господства над процессом. Именно поэтому фюзис существует не иначе как в перманентном дополнении техне. Мы привыкли рассматривать технику в модусе обладания, в то время как онтологический смысл

техне – выведение к присутствию, про-из-ведение. Важно отметить, что в соответствии с этой логикой всякий факт существования не может мыслиться как абсолютный. Все существующее «есть» в рас-становке, взаимоопределении, в соответствии с чем-то, посредством чего-то и т. д. «Экотехния деконструирует систему целей, делая их несистематизируемыми, неорганическими и даже стохастическими. <...> В то же время, подключая и соединяя тела всевозможными способами, располагая их в местах пересечений, интерфейсов и взаимодействий всех технических процедур, но отнюдь не превращая их в “технические” объекты, экотехния производит их на свет как таковые – в той ареальной взаимосвязи, которая образует пространство отмены любого трансцендентного или имманентного значения. У мира тел нет ни трансцендентного, ни имманентного смысла» [4, с. 121–122].

Про-ис-ходящее, существующее – избыточно. Любое сущее, с видимой целью (или без таковой), принципиально совместно с другими, всегда уже «выставлено» к другим. Сущее – сингулярно.

Данный тезис указывает на несводимость какого-либо сущего к некоторой единственной цели. Сингулярность сущего обязывает к принятию «высшего утверждения», «утверждения без ограничений, утверждения даже к страданию, даже к вине, даже ко всему загадочному и странному в существовании. <...> Ничто существующее не должно быть устранено, нет ничего лишнего...» [5, с. 730]. Из последнего утверждения вполне естественно следует то, что Нанси именуется деконструкцией системы целей. Цель – то, что субъект определяет, чем он располагает; цель – «собственность» субъекта, субъект лишь вмняет цель сущему. Однако с Целью всегда со-существуют и «бессубъектные» цели. Множественные цели отчасти являются условиями возможности Цели (как ее видит субъект), однако не в трансцендентальном смысле, но в смысле совместности как взаимной обусловленности. Если сущее и телеологично, то лишь принципиально множественным образом. Поскольку любое сущее представляет собой перманентный процесс ре-конституирования, то всякая флуктуация с предельно высокой степенью вероятности запускает множество рядов причинных воздействий, которые одновременно (и соответственно, независимо друг от друга) порождают следующие воздействия, заставляя в пределах одного и того же качества со-общаться самые разные аспекты. Цели поэтому текучи, протейчны, асистематичны, иррегулярны. Понятие экотехники акцентирует эту способность сущего к самоорганизации как ре-стабилизации и переакцентуации любых телеологических отношений.

Экотехника – не просто понятие, характеризующее творческий характер бытия. Скорее, это понятие призвано зафиксировать логику выведения сущего к присутствию, существованию. Экотехника говорит о сущностной совместности сущего, его гетерологическом порядке. Экотехничность существования не требует синтеза для своей реализации, не настаивает на связности и реализуется на подвижных границах тел, состояний, явлений. П.А. Флоренский точно охарактеризовал связь такого рода как взаимное «сочинение» [6, с. 30–31] вещей друг с другом. Совместность, о которой идет речь, такова, что всякая цель или сущность принципиально временны и операциональны и при этом полностью определены открытой суммой сущего. Итак, специфически “экотехнический”

аспект бытия заключается в получении определенности не из себя (имманентность) и не из внешнего (трансцендентность), но из «сочинения», то есть трансимманентно.

Что экотехнического в техниках себя? Наша точка зрения заключается в том, что «человеческое» есть по преимуществу «экотехническое». Техническое отношение вписано в возможность говорить «Я», экотехника есть нетрансцендентальное условие возможности сознания. Сознательное отношение предполагает само-объективацию, то есть уже предполагает именно техническое отношение к самому себе. В качестве процедурного субститута само-объективации может быть рассмотрена способность подчиняться запретам. Запрещая себе, я фактически запрещаю себя. Запрещая себе, я отношусь к себе как к средству, следовательно – технически. Таким образом, можно заключить, что человеческое как сознательное и субъективное есть не иначе как в процедурном опосредовании. Человеческое – это техническое. «Логия» здесь неотделима от «техне».

В каждую историческую эпоху в каждой культуре существовали множественные способы отношения к себе, предполагавшие соответственно и определенные типы обращения с собой. Последние представляли (представляют) собой технологии, позволяющие реализовывать те или иные способы производства, умножения или обновления человеческих сил [7]. Речь идет о техниках себя, являющихся историческими формами самореализации человека. Такие технологии себя являются стратегиями, в которых человек сознательно или бессознательно осуществляет трансформацию себя [8, с. 79]. Всякая человеческая деятельность является своего рода технологией субъективации, поскольку любое техническое отношение двунаправлено, или одновременно направлено как на объект (воздействия), так и на субъекта (как воздействующего на объект).

В случае если такого рода субъектное преобразование совершается намеренно, можно вести речь об автосубъективации. Автосубъективация – осознанная стратегия преобразования собственного способа существования, которая может включать в себя различные техники, практики, упражнения и т. д. Процесс автосубъективации означает, что в соответствии с определенной целью мы преобразуем себя, делаем себя объектом «технического» отношения.

При этом важно отметить следующее. Вне зависимости от способа и специфики практики себя процесс субъективации имеет некую оборотную сторону, которая, как правило, не рефлексивируется и не принимается в расчет. Прежде всего следует назвать социокультурные основания данного процесса. К таковым следует отнести социальный контекст с принятыми внутри него многочисленными институциональными и/или маргинальными техниками самости; существование/несуществование Другого, призванного тем или иным образом участвовать в «переустройстве индивида»; собственно технологические составляющие процесса субъективации и т. п. Вторым важным обстоятельством является то, что субъект, изменяя себя, вольно или невольно воздействует на мир. Учитывая это, внутри процесса субъективации наряду с автосубъективацией следовало бы выделить еще и принципиально неотделимую от нее гетеросубъективацию (или транссубъективацию). Автосубъективация есть процесс реализации предзаданного, однако ее непосредственная актуализация осуществляется как гетеросубъективация. Это значит, что в субъективации вместе с сознательно

достигаемой целью выводятся к существованию неутилитарные реакции и эффекты. Иными словами, человек, делая что-либо, всегда и с необходимостью делает «больше, чем нужно». Всякое действие является принципиально избыточным по отношению к поставленной цели. Автосубъективация ставит цель, гетеросубъективация этим же движением деконструирует условия ее возможности.

В таком случае мы можем рассматривать: 1) технику как средство достижения цели, а в онтологическом контексте – сущее, которое есть всегда только и именно так, то есть – технически: всегда в соответствии с чем-то, посредством чего-то, вместе с чем-либо и т. д.; 2) технику как *технему*. Технема может являться своего рода «побочным продуктом» существования и функционирования техники. Однако в отличие от последней технема отвечает некоторым, если можно так выразиться, нефункциональным потребностям, а возможно, и не отвечает вообще никаким. Технема есть результат творческой, производительной и вместе с тем принципиально неутилитарной реакции самого сущего. Сущее внутри себя эмерджентным образом производит избыток возможностей. То простое обстоятельство, в соответствии с которым эти возможности 1) как-то *проявляются* и 2) проявляются совершенно *определенным образом*, позволяет обозначить их именно как технемы.

Автосубъективации соответствует техника субъективации, или практика себя, осуществляемая с определенной целью. Гетеросубъективации соответствует технема, которая в себе бес-цельна, но производительна. Автосубъективация неотделима от гетеросубъективации; техника неотделима от технемы. Технема онтологически опережает технику, однако не является ее основанием. Нет ничего технематического, что не могло бы стать техническим. Технема – имя (онто-эко-технической) возможности. Приведем пример соотношения технемы и техники.

Исследователями отмечена парадоксальная особенность древнейшего палеолитического производства: оно не опосредовано постановкой сознательных утилитарных целей [9, с. 528]. Древнейшие галечные орудия в своей оригинальной смысловой нагрузке не являются орудиями труда. Изначально это сколы, производимые без какой-либо цели, стихийно, случайно в экстремальных ситуациях. Такие сколы есть технемы. На втором этапе – это сколы, производимые уже сознательно, в ритуальном действии, но опять-таки не «для», а «в силу того, что...». В соответствии с «антропологией мифа» А. Лобка, такие сколы представляли собой метки, удерживающие первичное мифосемантическое пространство. Это производство подчинено логике ритуала, а последний абсолютен, так как не имеет цели вне себя самого. Ритуальное действие имеет сверхцельный характер, а «магическая» эффективность и полезность оказываются лишь его побочным результатом. Орудие труда возникает как побочный продукт ритуала. Теперь это техника.

Скол как технема уже существует. Однако его назначение отнюдь не техническое, а мифологическое. Материальное производство детерминировано не целью, но мифом. Однако впоследствии этот скол получает систематическое использование по определенному назначению. Следовательно, так называемые орудия труда изобретаются отнюдь не целевым образом. Сначала в соответствии

с логикой ритуала нечто получается, а затем случайно определяется, как это «нечто» может быть использовано. «Нечто» при этом получает имя, которое в первую очередь является именем ритуально-мифологическим.

В соответствии с остроумным замечанием А. Лобка, именно такая схема сотворения мира представлена в деятельности ветхозаветного бога, который вначале делает, затем называет, а потом замечает, что содеянное им хорошо. Это парафраз архаической производящей культуры, где изначально фигурирует предмет, «несущий» миф, а затем первый получает функциональную нагрузку. Миф производимого предмета опережает его утилитарную функцию. Бытовой предмет приходит к архаическому «труженику» случайно, нечаянно, то есть воистину магическим образом. Под знаком подобного производства проходит весь палеолит [9, с. 532]. Именно в первобытном обществе формируется фундаментальный технологический уровень, простой факт неотменимого наличия которого будет отныне восприниматься как совершенно естественный. Такова генеалогия фундаментального эко-техно-логического потенциала цивилизации.

Что представляют собой авто- и гетеросубъективации в «экотехническом» контексте? Автосубъективация представляет собой сознательную направленную деятельность по производству нового себя. Автосубъективация преследует определенную цель, предполагает соответствующие средства. Гетеросубъективация представляет своего рода «фотографический негатив» автосубъективации. В итоге производятся множественные связи, не имеющие выраженного целевого характера. В противоположность техническим связям автосубъективации (цель – средство) эти связи с полным на то основанием могли бы быть названы технематическими. Технематические связи конечны, однако их финальность является финальностью без конечной цели, так как последняя могла бы быть установлена только субъектом.

Как институционализированные, так и факультативные практики себя, задающие и производящие определенный тип субъектности, имеют прямое отношение к типу социума, к бытию социального. Суть социального не может быть сведена ни к индивидуальному, ни к коллективному. Она – в продуктивной неразрешимости «между» меж ними. Следует настаивать на том, что феномен социальности конституирован невозможностью обнаружения «точки начала» включенности отдельного индивида в общество, куда бы он вступил как бы извне для того, чтобы связать себя с людьми. Динамически конституирующееся не-место субъективации – на границе (социального), *в качестве* границы. Процессы субъективации, таким образом, не являются нейтральными или второстепенными по отношению к обществу в целом. Процессы становления субъективности и есть не что иное как одновременно фундаментальное и безосновное измерение социальности.

Общество больше не может мыслиться как надындивидуальное органическое единство, а социальный субъект – как растворенный в его представительской системе. Сегодня неустранимая сложность и многомерность социального бытия коррелятивна возрастающей актуализации субъектных векторов социального поля. Общество – это бытие-вместе. Быть вместе – значит уже быть изначально открытым, не взирая на возможные субъективные ориентации типа «войны», «конфликта», «закрытости», «нейтралитета», «дружелюбия», «симпатии» и т. д.

Социальное сущее по определению открыто. В соответствии с тезисом об экотехничности бытия, всякое сущее открыто как свое собственное «умением быть», то есть кон-фигурировано в логике «каждого раза». Социальное, следовательно, не «существует», но бесконечно становится. Процессы становления субъектов являются самим «телом» социального.

Подведем краткий итог. Термин «гетеросубъективация» был введен нами для учета «бесконечно малых», «случайных», «нецелевых» связей, предпосылок, актуализаций и последствий автосубъективации как сознательной трансформации индивидами самих себя. Для становления же нет ни большого, ни малого – все, принципиально любой тип присутствия, так или иначе вписывается в реальность. Тогда в любой момент можно констатировать существование некоторого среза социальности, конфигурация которого будет коррелятивна соответствующим технологиям субъективации. Понятие гетеросубъективации выполняет функцию введения гетерологического (динамического) соответствия (соответствия в форме несоответствия) [10] между познанием и становлением, ибо оно резервирует за собой все то, что остается за пределами компетенции субъекта познавательного дискурса.

Становящаяся субъективность, открытая изменениям и случайностям, ее сущностная радикальная историчность имеют ключевое значение для мышления современной социальности, для понимания того, что такое общество сегодня. Действительной ясности в отношениях индивида и общества можно будет достичь лишь в том случае, если процессы становления субъектов будут непротиворечиво учтены в такой теории общества, которой удастся не только отразить процессуальную развертку социального, но и показать предметную и технологическую сторону его динамики.

Summary

A.E. Smirnov. The Technique of the Self as an Ecotechnique: Auto- and Hetero-subjectivation.

The article is devoted to the research of the self-techniques, through which subjectivation (the process of the subject's self-transformation) occurs. The ontological status of the self-techniques is revealed using the notion of ecotechnique. The process of subjectivation is conceptualized via introduction of the notions of auto- and heterosubjectivation. The author defines the ontological status of the self-techniques as transimmanent, i.e. neither transcendent nor immanent. Regarding to the practice of subjectivation, this means that conscious aims and their corresponding practices (auto-subjectivation) are fundamentally inseparable from heterosubjectivation deconstructing the possibility of auto-subjectivation.

Key words: techniques of the self, subjectivation, processes of subjectivation, auto-subjectivation, heterosubjectivation, ecotechnique, transimmanence.

Литература

1. Фуко М. О начале герменевтики себя // Логос. Филос.-лит. журн. – 2008. – № 2 (65). – С. 65–95.
2. Фуко М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. – СПб.: Наука, 2007. – 677 с.

3. *Нанси Ж.-Л.* Бытие единичное множественное. – Минск: И. Логвинов, 2004. – 272 с.
4. *Нанси Ж.-Л.* Corpus. – М.: Ad Marginem, 1999. – 256 с.
5. *Ницше Ф.* Esse Homo // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 694–769.
6. *Флоренский П.* У водоразделов мысли // Флоренский П. Сочинения: в 2 т. – М.: Правда, 1990. – Т. 2. – С. 17–350.
7. *Кемеров В.Е.* Практика // Современный философский словарь / Под общ. ред. В.Е. Кемерова. – Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: «ПАНПРИНТ», 1998. – С. 691–695.
8. *Хоружий С.С.* Конституция личности и идентичности в перспективе опыта древних и современных практик себя // Вопр. философии. – 2007. – № 1. – С. 75–85.
9. *Лобок А.* Антропология мифа. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. – 688 с.
10. *Керимов Т.Х.* Социальная гетерология. – Екатеринбург: УралНАУКА, 1999. – 169 с.

Поступила в редакцию
04.10.10

Смирнов Алексей Евгеньевич – кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры философии и психологии Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск.

E-mail: aesmir@mail.ru